КРОКОДИЛ

НА ПЕРВЕНСТВО РАЙОНА СРЕДИ ЮНИОРОВ

Рисунок Евгения **МИГУНОВА**

В ПОЖАРНОМ ПОРЯДКЕ

Я, П. Машкин, вступая в Добровольное спортивное общество профсоюзов, вступаю туда на всякий случай.

А также — во Всесоюзное общество изобретателей и рационализаторов. Тоже вступаю. Тоже на всякий случай. Тоже я, П. Машкин.

Дело в том, что я вливаюсь в первичную организацию автоколонны № 3 автобазы № 9 города Запорожья. При этом сообщаю, что отстаивать спортивную честь профсоюзов не собираюсь и изобретать вечный двигатель для автомобиля тоже не буду. Просто у меня есть членские марки и бланки, присланные в редакцию «Крокодила» из этой автоколонны, и я не хочу, чтобы они валялись незаполненными.

А прислали нам документы сами рабочие этой автоколонны. За ненадобностью. Ихний начальник И. Лень загорелся вдруг благородной целью отрапортовать еще выше стоящему начальству о поголовном вовлечении своих подчиненных в разные симпатичные организации и приказал вычесть вступительные и членские взносы прямо из зарплаты своих людей.

Бланки же Украинского республиканского добровольного противопожарного общества И. Лень лично сам всем распродал. Своими руками.

В это общество я тоже вступаю. И даже не просто так, а по-настоящему. Потому что и заметка эта написана не просто так, а с противопожарной целью. Чтобы пресечь вспышку чрезмерной инициативы в душе усердного автоначальника.

П. МАШКИН

БЕЗ ОБЪЯСНЕНИЙ

Идея принудительного ассортимента, скажем прямо, не блещет первозданной новизной. Еще на дореволюционной эстраде бытовал порожденный ею анекдот. Один коммерсант соглашался продать бочку повидла лишь вместе с тысячей секундных стрелок.

— Почему же нельзя отдельно! — изумлялись покупатели.

— А что я могу сделать, если стрелки завязли в повидле! — следовал ответ.

Купчик из анекдота хоть разъяснял причины нагрузки. А в ижевских магазинах с поэтическими названиями «Елочка» и «Ландыш» продавцы не вступают ни в какие объяснения.

Вот появился в «Елочке» элегантный недорогой светильник «Лилия». В магазине его цена с 2 рублей 70 копеек подскочила до 4 рублей 25 копеек. Все очень просто: к «Лилии» припожили полиэтиленовую скатерть довольно противного вида.

В «Ландыше» шерстяные перчатки оказались спаренными с белыми носками, а к женскому белью, рассчитанному на особ повышенной полноты, добавлялись такие же изделия, только предназначенные для сугубо тощих.

Впрочем, в последнем комплекте проблескивает кое-какая идея. Вдруг толстая похудеет, а тощая потолстеет! Глядишь, и есть в запасе бельишко.

Р. БЕРКОВСКИЙ

ПРОПАВШАЯ ГРАМОТА

Им хлопали, их публично именовали всякими положительными словами.

— Герои вы! — убеждали их.— Первопроходчики!

Это было приятно, но, в общем-то, они и раньше знали, что их профессия именно такая.

А потом на трибуну взобрался товарищ Куйбар. Он вскинул руку и тоже охарактеризовал бригаду И. Т. Буряка героической.

— Награждаем вас грамотами! — крикнул он, закругляясь.

На такое товарищ Куйбар имел моральное право: был он председателем рудкома № 1 г. Учкудука, что в Бухарской области.

Грамота — это не звезда Героя. Это скромнее. Но получать грамоты приятно. Дети среднего школьного возраста понимали это. Они попрятались в чуланах и с помощью лобзиков сотворили отцам изящные рамочки. Однако вставить в рамочки было пока что нечего.

— Послушайте, товарищ Куйбар,— спрашивали отцы при случае.— Помните, вы наградили нас грамотами?

Товарищ Куйбар останавливался и, наклонив голову, думал.

— Да, да,— говорил он.— Это было, кажется, первого сентября. Потерпите, оформляем документы.

А потом председатель запамятовал, в каком году было это самое первое сентября.

— В шестьдесят шестом,— напомнили ему.

— Ах, да, в шестьдесят шестом! Именно в шестьдесят шестом. Подождите еще немного — скоро оформим.

После этого награжденные всей бригадой отправились в книжный магазин. Они приобрели там несколько небольших репродукций с картин советских художников. Не пропадать же рамочкам!

Р. ТИМОВ

ИЗДАЛЕКА ДОЛГО...

Ну вот, опять жалоба на работников почты. Дескать, довольно медленно доставляется корреспонденция, и нельзя ли, мол, побыстрее. Конкретно речь идет об открытке, посланной из города Усть-Кут, Иркутской области, в тот же город Усть-Кут, той же области, причем дистанция между отправителем и адресатом не превышает ОДНОГО километра. И, вы подумайте, открытка шла ВОСЕМНАДЦАТЬ дней.

Конечно, сразу хочется вознегодовать и кинуть сатирическую перчатку министерству связи в лице его усть-кутских органов. Ай-ай-де, уважаемые товарищи, разве ж так можно! И даже напрашивается идея объявить иронический всесоюзный конкурс на самое медленное продвижение почтовых отправлений.

Но приходят в голову и более здравые мысли. Может быть, и не так уж плоха эта медлительность, если вспомнить о лихорадочных ритмах нынешней жизни с ее сверхскоростями и суперсервисами. Ведь никто не удивился бы, если б упомянутая открытка пришла к адресату, скажем, через два-три дня. А такие бешеные темпы уже начинают утомлять. Тянет к патриархальной неторопливости, покоя сердце просит. Возникают образы станционных смотрителей с самоварами, перекладных, звенящих колокольцами сквозь волнистые туманы, почтовых ямщиков, затягивающих тоскливую путевую песню про ясны очи...

Налейте, налейте скорей мне вина, рассказывать (о добром почине усть-кутских связистов) больше нет мочи!..

В. АЛЕКСАНДРОВ

— Продукцию нашего завода мы выпускаем в специальной для железной дороги упаковке.

Рисунок В. ЖАРИНОВА

Для поездок по хозяйству бригадиры и агрономы нередко вынуждены пользоваться грузовым транспортом.

— Я вожу бригадира.

Рисунок А. ГРУНИНА

РАДУЖНАЯ ТЕМА

Молодые родители собирались на концерт. Папа оделся, как всегда, оперативно, мама же все еще заканчивала туалет. Как на грех, косметические «орудия» куда-то запропастились...

В поиски включился супруг. И когда они в четыре руки перетряхивали залежи бумаг на письменном столе, на пол упал открытый школьный портфель. И оттуда вывалилась губная помада.

— Я потрясена! — ахнула мама.— С таких лет — и уже...

Родители подозвали дочь — третьеклассницу Галю.

— Почему это оказалось в твоем портфеле? — спросил отец.

— Я вчера у мамы взяла. А сегодня забыла положить на место.

— Но для чего это тебе?— продолжала допрос мама.

— Для рисования... Нам задали раскрасить дом, сад и пионерлагерь, а цветных карандашей у меня нет...

...Эта и подобные сцены не плод игривой фантазии. Вот уже третий год раздобыть пачку цветных карандашей или просто двухцветное «стило» куда сложнее, нежели, например, приобрести телевизор новейшей марки.

— В минувшем году,—сообщил директор Воронежского горпромторга С. Евтеев,— мы заказали четверть миллиона коробок цветных карандашей, а нам выделили чуть больше пятидесяти тысяч.

— А нам вместо двух — двух с половиной миллионов штук,—дополняет заместитель директора облкниготорга Н. Плеханова,— занарядили в несколько раз меньше. Получили же менее четырехсот тысяч.

Начальник отдела культтоваров межобластной базы Роскультторга И. Ельчанинов грустно сообщил:

— В прошлом году мы оформили заявку на восемь миллионов штук, а дали нам два миллиона триста. На этот год арифметика еще горестнее.

Так как же устранить дефицит? На это пока ответила только десятилетняя Галя.

В. КОМОВ

г. Воронеж.

ВЕСЬ ПЛЮС В МИНУСЕ

Зимой в тени (Северо-Казахстанская область, поселок Сергеевка) ртутный столбик падает замертво.

И это большой плюс. Тамошние школьники становятся по этой причине крайне выносливыми. Они выносят из школы отопительные батареи, а от этого и мускулы крепнут и «Вторчермету» хорошо.

Батареи эти — лопнувшие от мороза, который трескуч не только на улице, но и внутри школы, поскольку местная котельная справляется с ним на двойку с минусом.

Е. М.

БЕЗРАЗМЕРНЫЙ НАПЕРСТОК

Микола БИЛКУН

Рассказ

В городе Н. местный Эдисон, инженер-самоучка Петр Иванович Петрусь, изобрел безразмерный наперсток.

Это было гениальное открытие! Оно произвело революцию в наперсточной промышленности.

Прежде всего изобретение экономило тысячи тонн металла, ибо отныне наперстки должны были производиться из какого-то младшего брата капрона, нейлона, поролона и т. д. Кроме того, широкий ассортимент — заклятый враг любого поточного производства — отпадал сам собой. В самом деле, для чего множество штампов и моделей, когда наперсток безразмерный и им можно охватить все слои населения от девчушек в детсадике до портных-пенсионеров!

О популяризации новшества позаботились современные средства связи и информации.

Сначала в местной газете появилась небольшая заметка под оригинальным заголовком «Золотые руки». Потом по радио передали музыкальный очерк о Петре Ивановиче, и, наконец, телестудия попросила его принять участие в вечере-концерте «На сон грядущий».

С того и началось. Через несколько дней Петр Иванович выступил с рассказом о своем изобретении перед пионерами, потом — в клубе аквалангистов, потом — еще где-то.

В городе Петрусь становился все популярнее и популярнее. Он стал даже членом комиссии при горсовете, которая занималась переименованием улиц. При участии Петра Ивановича улицу Даргомыжского переименовали в улицу Бородина, а переулок Сурикова — в переулок Репина.

Не прошло и года, как оперативные корреспонденты радиотелеграфных агентств раззвонили про изобретение Петруся по всей стране. Статьи о перспективах изобретения стали появляться на страницах солидных газет. Известный своей экстравагантностью технический журнал опубликовал фотографию: изобретатель стоит, опершись локтем на гигантский макет наперстка. Петр Иванович выступал с докладом на сессии Академии наук. Теперь он был уже членом редколлегий нескольких журналов. Два кандидата и один доктор технических наук упорно набивались Петру Ивановичу в соавторы. Самородок слабо сопротивлялся. Известный режиссер студии «Широкоэкранная шестерня» А. Е. Долгомучек три года работал над лентой «Чудо-наперсток», и картина наконец вышла на экраны. В титрах научными консультантами значились оба кандидата и доктор технических наук, те самые, которые упорно лезли в соавторы к Петрусю.

Случайно фильм «Чудо-наперсток» просмотрел член коллегии одного из министерств, по профилю которого проходили наперстки, и машина завертелась еще стремительнее.

Через пять лет был создан НИИН (научно-исследовательский институт наперстковедения), а у Петра Ивановича Петруся родился сын. Сначала он ходил в детский садик, потом — в школу, потом — в институт. В институте он начал провожать одну очень милую девушку, и в результате Петр Иванович приобрел внука Лесика.

Внук Лесик рос, ходил в детсадик и, шаля, куда-то забросил бабушкин наперсток.

Бабуся Марфа Игнатовна, супруга Петра Ивановича, вынуждена была отправиться в магазин, поскольку, латая штанишки непоседливого Лесика, наколола пальцы.

— Наперсток? — ухмыльнулся продавец.— Вы что, мамаша, с дерева свалились? Да где я достану вам наперсток, когда все заводы перестали железные наперстки выпускать? Им, говорят, фонды на металл срезали, поскольку какой-то чудак выдумал безразмерный наперсток. Прогресс, мамаша, требует жертв...

Перевод с украинского.

Александр СУКОНЦЕВ

Наш человек в столице

Согласно последней переписи, в Москве проживает семь миллионов двадцать восемь тысяч триста сорок один москвич. Из них восемь тысяч триста сорок один — выходцы из Лучезарска.

Два раза в день — утром и вечером — эти лучезарские москвичи собираются на Павелецком вокзале. Они встречают и провожают родственников и знакомых, знакомых их родственников и родственников их знакомых.

В остальное время суток они наравне со всеми работают в учреждениях и на предприятиях, смотрят по телевизору передачи «Снова здорово!», ходят по магазинам. И еще успевают выполнять различные просьбы и поручения, которые поступают из Лучезарска в письмах и по телефону, в телеграммах и с нарочными.

Все восемь тысяч триста сорок успевают, и только триста сорок первый не успевает. Как ни прискорбно, этот сорок первый — я.

И, что больше всего обидно, просьбы пустяковые, а я почти ни одной не сумел как следует выполнить. Все что-нибудь да помешает мне. А вернее, это я просто отговорки придумываю в оправдание.

Судите сами.

Один знакомый знакомого моей лучезарской троюродной тети Клавы — спортсмен, физкультурник. Он ходок. Нет, ходьбун. Опять не то. В общем, он ходит на очень длинные дистанции. Пешком. Вот этот, стало быть, физкультурник купил там, в Лучезарске, себе ботинки. Не прошел он и десяти своих обычных сверхдлинных дистанций, как с левого ботинка отлетела набойка.

Троюродная тетя Клава сообщила мне по телефону, чтобы я в воскресенье в пять тридцать утра был в аэропорту Быково и встретил там рыжего Васю, который прилетит этим рейсом и проинструктирует меня, что я должен делать по поводу спортсменовской набойки.

Рыжий Вася, которого я по своей малой смекалке не без труда отыскал в аэропорту, разъяснил мне все очень просто:

— Ты, браток, сходи-ка к министру. Скажи ему, нехай трудящих не обдуривают, а набойки прибивают как следует. На совесть. Вот и все.

Конечно, это был единственно правильный путь, поскольку с министром мы живем в одном городе, ходим по одним улицам. Чего проще где-нибудь в подземном переходе прижать его к стенке, облицованной метлахской плиткой, и передать ему Васи рыжего слова.

Но я замешкался. Своевременно прижать министра не сумел. Все бегал, искал его. И, конечно, не там искал. И троюродная тетя Клава с очередным нарочным, которого я встретил утром в Химках, велела мне передать горькие слова упрека:

— Ладно уж, коли не можешь. Прибил физкультурник набойки. Сам. А трудящих, стало быть, пусть и впредь объегоривают, раз такое дело. Раз за правду у вас там, племянничек, никто постоять не может.

Этой осенью ночью у меня в квартире раздался звонок. Я вскочил, посмотрел на будильник: пятнадцать минут четвертого. Спросонья никак крючок не найду. Открываю дверь. На пороге трое: двое мужчин и женщина. Мужчины с чемоданами, на женщине рюкзак висит.

Впереди стоит высокий, чубатый молодец в кепке и улыбается.

— Ну,— говорит он радостно и громко,— вот мы и прибыли.

Раскидывает молодец руки, словно боится, что я из квартиры мимо них выскочу. А куда ж выскочишь босой и в одних трусах? Идет он на меня с раскинутыми руками и с явным намерением облобызаться. Деваться некуда, я тоже раскидываю руки. Лобызаться так лобызаться. Целует молодец меня в ухо, а я его — в небритую щеку.

Поцеловались, я спрашиваю:

— А вы, извините, к кому?

— Вот тебе и раз! — отвечает долговязый.— К тебе, конечно, к кому же еще?

Ну, раз люди приехали ко мне, приглашаю войти в дом. Входят они, чемоданы свои на пол возле трельяжа ставят, гражданка рюкзак снимает — и туда же. Раздеваются. Долговязый между тем поясняет ситуацию:

— Приехали, понимаешь, на Павелецкий в два часа, дополнительным. Мои,— он показывает на своих спутников,— говорят: «Давай на вокзале переждем, пока рассветает. Куда ночью пойдем?» А я им толкую: «Да вы что? Можно сказать, в двух шагах сидеть от тебя — и не прийти». Да ты мне такого свинства ввек не простишь. Правда ведь?

Я кивнул.

— А ты знаешь, как мы адрес твой нашли?

— Может,— говорю,— вы завтра проинформируете, а сейчас с дороги отдохнете?

— Отдохнуть не мешает, но, пока ты стелешь нам постели, я все-таки расскажу. Тебе же это интересно знать. Справочные ночью в Москве, оказывается, не работают. Так я позвонил самому главному: говори, толкую ему, где мой Мишка живет...

— Гришка я,— робко поправляю ночного гостя,— Григорий.

— Ну да, я и говорю Мишка-Гришка. Так тебя тетка Леокадия называла.

— Какая Леокадия?

— Ну ты что, здесь, в столицах, всех своих родных перезабыл? Помнишь, в 1948 году ты шел на демонстрацию и забежал к тетке Леокадии, а я тебе еще сказал, что ее дома нет. Мы же по соседству с ней жили. Вспомнил?

— Вспомнил...

— То-то же.

Все для этих дорогих гостей я сделал: на неделю, пока они жили, тещу переселил к сослуживцу, детей устроил в интернат, а сами с женой жили в гостинице по их паспортам. Долговязому организовал очередь на мотоцикл с коляской, его попутчику по купе — путевку в Цхалтубо. Женщину с рюкзаком всю неделю водил по редакциям и издательствам. Она оказалась самодеятельной писательницей. А в рюкзаке часть своих произведений привезла. Удалось пристроить два рассказа в журналы «Собака — друг человека» и «Ухо, горло, нос».

Кажется, гости были довольны. Но вот в день отъезда долговязый, которого, оказывается, звали Федей, вдруг изъявил желание:

— Мне бы картошечки по-украински.

А у нас в доме, как на грех, ни одного украинца. Звоню в ресторан гостиницы «Украина», чтобы срочно прислали повара для инструктажа. Отвечают: «На дому не инструктируем».

Так и пришлось подавать картошку обычную, жареную. Гость был великодушен. Но на вокзале, когда я их провожал, он все-таки сказал:

— А к следующему моему приезду жена пусть научится жарить поукраински.

— Обязательно,— заверил я. Но на душе заскребли кошки: такого пустяка не смог сделать.

А уж совсем недавно я опростоволосился самым элементарным образом. Утром ко мне на работу пришла симпатичная молодая девушка и с порога заявила:

— Я пришла к тебе с приветом. Из Лучезарска. От дяди Степы.— И подает мне письмо.

Читаю. Пишет дядя Степа (фамилию его на письме я не разобрал): «Податель сего письма — женщина по имени Рая. Она поругалась третьего дня с мужем и решила от него уехать. Ты, пожалуйста, устрой Раю с жильем. На первое время можно даже в общежитие. Ну, а потом,— дело ее молодое,— конечно, и отдельную квартирку. Подыщи ей работу поинтересней — рублей на 150, не меньше. Ну, о таком пустяке, как прописка, я уж не говорю. Вот и все. Твой дядя Степа».

Дядей у меня всего в Лучезарске восемь, но Степы среди них, по-моему, нет. Впрочем, это не так уж важно. Раз человек назвался дядей, значит, он дядя. И я как племянник, а главное, как земляк, или, как сказал мне один из наших лучезарских, как «полномочный представитель», обязан...

— А вы где остановились? — спрашиваю я беглянку по имени Рая.

— Нигде,— просто говорит она и с недоумением смотрит на меня.

— Да, да, конечно,— исправляю я собственную оплошность,— о чем это я болтаю, поживете пока у меня.

Короче говоря, привел я ее домой. Очень долго на кухне объяснял ситуацию жене. Но разве жены всегда нас понимают?

Прощалась Рая со мной подчеркнуто холодно.

— Дядя Степа меня, правда, предупреждал, что вы малость того... Но чтобы до такой степени...

Добил меня окончательно Петр Иванович. Когда-то его сват вместе с кумой моей тещи были вместе в гостях. И потому он, естественно, считался другом нашего дома. Дядя Петя приехал позавчера. У него ко мне были всего три маленькие просьбы.

— Не просьбы — просьбишки,— сказал он.— Во-первых, я выхожу на пенсию. Так вот, надо сделать не простую пенсию, а персональную. Как-никак, а я же тебе не чужой. Во-вторых, под старость деньжонок скопил, хочу купить «Волгу». Но только черную и в экспортном исполнении. Ну и последнее — хочу последние годы провести в столице. Я уж тут и новый домишко присмотрел на Ленинском проспекте. Давай действуй.

Как я ни старался, но с пенсией и с квартирой заминка вышла.

— Ну, вот что,— сказал дядя Петя,— мне давно в Лучезарске говорили, что ты тут землякам не помогаешь, что ты зазнался, зажирел. Значит, так: ты переезжай в мою комнату, в Лучезарск, а я твою квартиру займу. Так уж и быть, хоть квартира у тебя и не новая, да и не на Ленинском проспекте. Но что с тебя возьмешь!.. Пакуй вещички. Через неделю приеду.

И он уехал. А я сижу жду...

Степан ОЛЕЙНИК

Как Петра провожали

Мать с отцом не спят уж двое суток...
Братья их приехали, сестра...
Полсела пирует!
Не до шуток:
Провожают в армию Петра.

Смолк баян — гармошка заиграла.
В пляс пошла мамашина кума.
— Ну, внучок, служи до генерала! —
Тост провозглашает дед Фома.

Утром, на исходе ночи третьей,
Шум гулянки сельской не затих:
К станции,
Чтоб распрощаться с Петей,
Двинулись в машинах грузовых.

Пели там в буфете...
Было тесно...
За шампанским спохватился дед:
— Стойте! Где же воин, интересно?
Все мы в сборе, а Петра-то нет!..
Разыскав майора-военкома,
Приложил он руку к картузу:
— Новобранца мы... забыли дома.
Виноват! — И уронил слезу.

Хлопцев там немало насмешили
Родственники Петины...
Но он,
На попутной подоспев машине,
Все же на ходу вскочил в вагон.

...Служит в части.
Пишет, что присягу
Скоро принимать ему пора.
А родня все пьет вино да брагу:
Провожает в армию Петра!

Перевел с украинского В. КОРЧАГИН.

— Ой, Санька, и зарезал же ты нас! Мы-то думали, что ты учишься на агронома!

Рисунок С. КУЗЬМИНА

Юрий БЛАГОВ

ЛИРИКА САТИРИКА

Сияя в дымке синей
Из темного угла,
Она моей богиней
И радостью была.

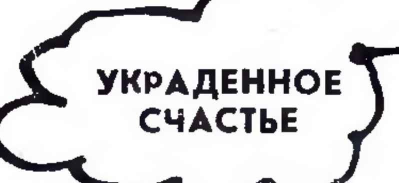
Но вот смогла нежданно
Другая в душу влезть,
И я скрывать не стану:
В ней тоже что-то есть...

С тех пор
на жизнь смотреть я
Стал проще и ясней:
Когда предстанет третья,
Контакт найду и с ней.
Она, клянусь заране,
Достойна похвалы:
На голубом экране
Все дикторши милы!

НАСТОЯЩИЙ МУЖЧИНА

Помолвлены Наташа и Аркаша,
Но он порвал протянутую нить:
— Раздумал я жениться на Наташе —
Она меня не сможет прокормить.

У курящих прорва притеснителей,
Ибо курит множество людей:
В юности — украдкой от родителей,
В старости — украдкой от детей.

Павел ПЕТУХОВ

ЕВАНГЕЛИЕ ОТ ЭНОКА

Вначале было, конечно, слово. Вот какое:

— Я рассматриваю политического деятеля как пророка в библейском смысле. Это не человек, который предсказывает будущее, а человек, который высказывает то, что лежит на сердце у его народа.

Так сказал Энок Пауэлл — член английского парламента от консервативной партии.

Он сейчас самый знаменитый человек в Англии после Иисуса Христа. Потому что, как говорят знатоки, «то, что видит Пауэлл, и то, о чем он говорит,— это страх, ужас и возмущение белых англичан перед африканцами и азиатами стран Содружества наций, которые эмигрировали в Англию».

Вообще-то говорит он так громко, что разговор его слышен во всем мире. Так и гремит из Англии. До того дошло, что сам премьер-министр, оглянувшись на репортеров, стукнул кулаком по столу:

— Не делайте меня ответственным за явление, известное как «Энок Пауэлл»! Пауэлл — отдельно, правительство — отдельно!

Действительно, правительство вроде бы не поддерживает этого Пауэлла. Его называют безответственным. Им возмущены. Говорят, что не в традициях Англии разжигать расовое недовольство.

А этот Пауэлл смеется.

— Пожалуйста,— говорит,— можете не поддерживать! В этой стране вот уже тридцать лет не слушали ни одного оратора. А меня слушают! И письма в поддержку пишут! Хотите, покажу? Тысячи писем покажу.

И действительно показывает.

И, главное, пишут ему простые люди! Вот что обидно. Это консерватору-то! И пишут ему в таком духе, что правильно, мол, Пауэлл, излагаешь, нам от этих цветных скоро самим придется отсюда когти рвать. А не хотелось бы...

Что же произошло с отдельной частью малосознательных англичан? Чем это их так приворожил Пауэлл? Неужели красноречием?

Одним красноречием, конечно, трудно приворожить трудящихся. Не красноречие играет первую роль. А играет ее, конечно, экономика.

Так вот, касательно британской экономики. Она на текущий момент не совсем привлекательная. Влияние Англии в международной торговле падает, а цены во внутренней торговле, наоборот, поднимаются. Пояс, конечно, приходится затягивать еще на один-два пункта. А это вызывает разные нехорошие мысли. И первая мысль такая:

— Кто в этом виноват?

Ну, правительство, конечно, ведет разговоры всякие: дебет-кредит, падение фунта, инфляция, девальвация и другие пропагандистские трюки. Словом, абстрактно крутится вокруг того-сего. А народу абстракционизм ни к чему. Ему кушать надо. Ему конкретные слова нужны.

Он спрашивает:

— Кто виноват?

А Пауэлл без всяких дебетов-кредитов:

— Цветные виноваты! Они отбивают у белых работу и хлеб. Домой их, откуда приехали!

Конечно, если бы дебет с кредитом сходился, никто бы этих цветных не замечал. Ну, ходят и ходят — места всем хватит. А он не сходится! И в странах бывшего Содружества наций, видать, тоже не сахар. Иначе кто бы оттуда в эту туманную метрополию поехал!

И вот, чтобы не утруждать людей и не заставлять их докапываться до подлинных причин ухудшения положения, берется испытанная штука: расовое недовольство наименее сознательной прослойки.

Называется такая штука демагогией. А демагогам порой удавалось привлечь на свою сторону немало народа. Вот и Энок Пауэлл привлек.

Но только должен он за свою популярность кое-кого поблагодарить. Черта с два у него получилась бы популярность, если бы дебет с кредитом сходился.

РЕЗИДЕНСИА (ЮАР). Еще в 1964 году белое население города Резиденсиа выехало оттуда, поскольку он был объявлен «зоной чернокожего населения». Две тысячи белых, не желая дышать одним воздухом с афрнканцами, поспешно переселились в другие места.

Однако все оказалось не тан просто: забыли о мертвых! Бывшее нладбище для белых оказалось в «черной зоне». Светлокожие покойники ЮАР никак не могут потерпеть, чтобы их бренные останки покоились в районе, где живут африканцы.

Надо отдать справедливость расистскому правительству ЮАР, оно оназалось чутким и пошло навстречу мертвым душам, попавшим в столь тяжелое для расистского духа положение. Вышло распоряжение: вырыть из могилы и переселить всех белых мертвецов на достойное их чисто белое нладбище.

* * *

ПАРИЖ. К сонму астрологов, активно подвизающихся во Франции, ныне присоединилась счетно-вычислительная элентронная машина Астрофлэш. Прк Астрофлэше работает профессиональный астролог Анри Фортэн, сообразивший, что соответствующим образом запрограммированная машина будет вычислять и составлять гороснопы куда быстрее, чем он сам. В машину вводятся перфорированные карточкк заказчиков, уплативших за горосиоп по десять франков. К утру гороскоп готов.

В течение трех месяцев Астрофлэш ежедневно обслуживал восемьсот заказчиков. Предприимчивый Фортэн подумывает о возможности выпускать абонементы на трехмесячное, полугоднчное н годичное обслуживание клиентов, желающих постоянно заглядывать в свое будущее.

Прогресс есть прогресс.

* * *

НЬЮ-ЙОРК. Шестидесятисемилетняя авантюристка Анна Андерсон, в течение почтн полувека пытающаяся доказать, что она «царевна Анастасия», младшая дочь недоброй памяти Николая Романова, решила прибегнуть н помощи... историка. Авось, он сумеет доказать, что она единственная чудом оставшаяся в живых наследница. Избранный ею историк, сорокадевятилетний профессор Джон Мэнехэн, в свою очередь, не прочь поживиться денежками и стать в случае чего наследником «царевны». Пока что в качестве первого шага профессор женился на своей подопечной.

Браносочетание состоялось в Шарлоттсвилле, штат Вирджиния. Корреспонденту местной газеты новоиспеченный супруг Анастасни высокопарно сказал, что «в высших сферах решающее значение имеют соображения не любовные, а династичесие и политические». О фннансовой подоплеке, играющей решающую роль в «высшнх сферах», исторкк тактично умолчал.

Взгляд американской Фемиды. Рисунок М. АБРАМОВА

— Запомните: первый этап — проникновение в бундестаг, второй этап — поджог бундестага!

Рисунок
Е. ГОРОХОВА

Сади РУДЯНУ

ДИАЛОГ

В ресторане за столиком сидят двое, назовем их Костей и Андреем. На столе бутылки с пивом.

— Андрей, дружище, рад тебя видеть! Как дела? Где ты собираешься провести отпуск?

— Посмотрим, я еще не решил. А ты?

— В этом году я намереваюсь отдохнуть шикарно! Побываю со всей семьей у моря, в горах, а потом — экскурсия по всей стране! Возьму с собой и стариков! Всех четырех! Всего двенадцать человек!

— Ого, это влетит тебе в копеечку!

— Ничего, выдюжу! Я получил премию. Пятнадцать тысяч!

— Не может быть!

— За рацпредложение... Что с тобой? Тебе плохо?

— С чего ты взял это, Костя? Жарко, да и это пиво! В общем, ты молодец!

— А ты?

— Что я?

— А ты что собираешься делать во время отпуска?

— Уедем и мы куда-нибудь. Только вчетвером. Стариков не возьмем. Ни моих, ни жены.

— Почему же?

— Мест в «фиате» не хватит.

— В каком «фиате»?

— В моем. Да вот он (показывает через окно ресторана).

— Неужели? Как тебе это удалось?

— Очень просто! Экономил, копил в сберкассе и вот... купил. Что с тобой, тебе плохо?

— Нет, ничего, все в порядке...

— Мне показалось, что ты скрипнул зубами...

— Говорю тебе, ничего со мной не случилось. Просто жарко, да и это пиво... Значит, у тебя «фиат»? Подумать только... Ладно, посмотрим, настоящий ли ты мне друг...

— То есть?

— Оставь своих детей дома и вместо них возьми в машину меня с женой.

— Но ведь ты говорил, что уезжаешь всей семьей, двенадцать душ...

— Какое там!..

— А рацпредложение?

— Чепуха...

— Знаешь, ты великолепен! Значит, никакой премии не было? И все это придумал, чтобы позлить меня?

— Ты не финти. Отвечай, берешь нас с собой или нет?

— Конечно, беру! В поезде хватит места для всех!

— Не в поезде, а в «фиате»!

— В каком «фиате»?

— Ну как же в каком? Вот в этом (показывает в окно).

— Откуда мне знать, чей он?

— Разве он не твой?

— Ничего подобного!

(Друзья радостно обнимаются.)

Перевел с румынского Л. КОТЛЯР.

Алексей ГОЛУБ, специальный корреспондент Крокодила

ЕДИНСТВЕННЫЕ В МИРЕ

— Поезжай, товарищ Петров, в столицу, посмотри там и поучись. Может, что-нибудь полезное позаимствуешь!

И периферийные товарищи Петровы едут в Москву. На экскурсии и в командировки. Обувщики, рестораторы, строители ходят по улицам столицы, запрокинув головы и широко раскрыв глаза.

А поглазеть в Москве есть на что.

Самый большой в Европе кинотеатр.

Неповторимый тридцатиэтажный административный ансамбль.

Самый крупный в мире ресторан «Арбат». На первом этаже уникальный «лабиринт». На втором—варьете. На третьем — обеденный зал с самым большим проемом в полу. Заглянув в этот проем, посетитель сможет наблюдать игру самого лучшего эстрадного оркестра, самых талантливых танцоров, певцов и акробатов.

Самая сложная развязка дорог, самая большая гостиница. Самая высокая в Европе телебашня. Приезжий вглядывается в прокалывающий голубое небо шпиль, и у него захватывает дух.

Возвратившись из столицы, периферийный работник начинает мыслить более масштабно. Ему хочется в своем родном Энске тоже построить что-нибудь уникальное и неповторимое. Ялтинские общепитовцы, например, задумали соорудить ресторан «Посейдон». Три этажа над водой, четыре под водой. Вход в подводные залы по предъявлении аквалангов и ласт. Идея была отвергнута в самом зародыше, но желание удивить мир у рестораторов не умерло. И вместо «Посейдона» они построили самый производительный в мире блинный автомат. Он мог выпечь до миллиона блинов в смену. По десятку на каждого постоянного жителя и курортника в сутки. Через несколько дней после ввода в строй автомата блинами были завалены не только кафе и рестораны, но и продовольственные магазины. Автомат пришлось разобрать и сдать на склад.

К счастью, блинная новация для своего воплощения не потребовала железобетона, стекла и стали. И ялтинцам в этом смысле повезло. Куда хуже пришлось харьковчанам. Здесь узким местом стало бытовое обслуживание. Большинство ремонтных ателье расквартировано в полуподвалах, фанерных будках и бывших пивных киосках. Скудно и несолидно.

Областное управление бытового обслуживания изыскало крупные средства на новое строительство. На повестке дня встал вопрос: что строить?

Можно было соорудить в разных районах города двенадцать одноэтажных комбинатов, по нескольку мастерских в каждом. Но на фоне высотного строительства, ведущегося в столице, даже четырехэтажные комбинаты казались чем-то вроде избушек на курьих ножках. И решили построить один двенадцатиэтажный Дом быта. Самый высокий в мире!

На первом этаже ателье проката, на втором — салоны красоты и душевые, на третьем — фабрика по ремонту обуви, на четвертом — трикотажная фабрика и так далее, до самого неба...

Сам собой всплыл второй вопрос: где строить?

Дабы этим гигантским олицетворением заботы о харьковчанах мог любоваться и проезжий люд, Дом быта заложили у привокзальной площади.

Началась подготовка к переезду и к работе в новых масштабах. Запасались впрок материалы. Снабженцы фабрики индивидуального пошива и ремонта трикотажных изделий «Ремтрикотаж» завезли большую партию триацетатного шелка, чтобы сразу же после переезда в новое здание начать выпуск дефицитных изделий.

Но прошло два года. Триацетатный шелк вышел из моды по той причине, что при соприкосновении с телом заказчика он кусался и стрелял. А гигант у привокзальной площади вырос лишь до третьего этажа. И тогда трикотажники принялись шить из кусачего сырья мужское и дамское белье.

Желающих носить белье из этого кровожадного шелка тоже не оказалось. Произошло затоваривание со всеми вытекающими последствиями.

Директор фабрики Л. А. Николенко впала в отчаяние. И тогда какой-то доброжелатель посоветовал ей обратиться за помощью к Р. С. Боруле. Гражданка Боруля пощупала некогда дефицитный материал и сказала:

— Что же, делу можно помочь. Если, конечно, мне будет предоставлена полная свобода действий и любая половина прибыли.

Пребывавшая в безвыходном положении Николенко капитулировала без звука.

— Прекрасно,— удовлетворенно резюмировала Боруля,— в таком случае можно пойти на капитальные вложения... Не падайте в обморок. Я знаю, что у вас нет ни гроша. Машину куплю за собственные деньги...

И вот настал день, когда Боруля прибыла на фабрику в сопровождении сына-студента, свекрови и соседки. Следом дюжие грузчики втащили гофрировочную машину промышленного типа. Машину установили. Борулин сын, свекровь и соседка пропускали через нее триацетатный шелк, и после нескольких дополнительных манипуляций он превращался в премиленькие платьица, которые тут же нарасхват разбирали харьковчанки. Спрос на кусающееся сырье вновь стал расти. Но тут Л. А. Николенко вызвали в областное управление и за использование на государственном предприятии частницы с машиной промышленного типа объявили строгий выговор.

Эта душераздирающая трагедия произошла лишь в результате затяжки строительства Дома быта. Этажи вырастали крайне медленно. А по мере того, как вырисовывались контуры привокзального небоскреба, все яснее становилась никчемность этой затеи.

— Двенадцать одноэтажных комбинатов,— говорит начальник областного управления тов. Прищенко,— для Харькова были бы гораздо сподручнее. А теперь для починки брюк и обуви горожанин вынужден будет тащиться на вокзал. Но такова была воля городских архитекторов. Они нам ее и навязали.

Строители небоскреба у привокзальной площади еще ковыряются где-то в районе девятого этажа. Можно с уверенностью сказать, что за эти четыре года давно можно было построить двенадцать одноэтажных мастерских, в которых уже во всю ивановскую чинили бы сапоги, латали брюки, кроили нижнее белье из триацетатного или любого другого шелка. А пока что налицо имеются лишь накрепко замороженные миллионы.

Впрочем, у харьковчан есть утешение: в Москве на этом поприще тоже порой не все проходит гладко. К примеру, возьмем уже помянутый нами ресторан-гигант «Арбат». Здесь посетителю подают неощипанную утку и шницель тверже, чем подошва «искож». Построить ресторан на тысячу пятьсот посадочных мест оказалось куда легче, чем вкусно накормить тех, кто займет эти места.

И вместо прибыли ресторан дает убытки. Сто пятьдесят тысяч в год приходится доплачивать за идею иметь самый крупный ресторан в мире. По сто рублей на одно посадочное место.

— Конечно,—говорят теперь рестораторы,—пять или десять небольших ресторанчиков были бы куда рентабельнее. И для посетителя уютнее. Но такова была идея проектировщиков. Они нам ее и навязали.

Можно построить самую большую в мире домну, если это рентабельно. Можно построить самый длинный мост, если это вызвано необходимостью. Но для чего строить самую высокую сапожную мастерскую и самый большой ресторан?

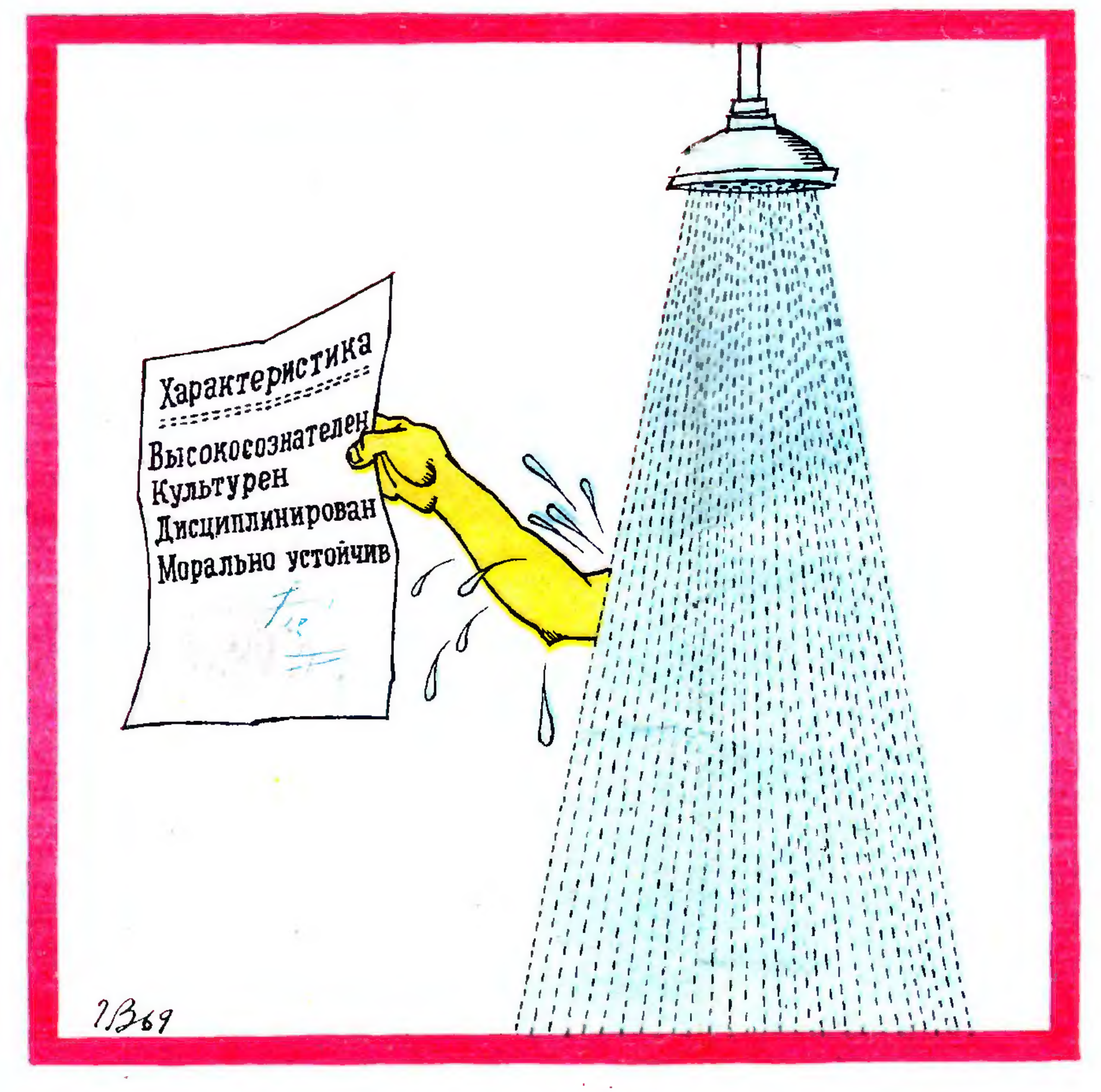
Гражданка Боруля, перед тем как пойти на капитальные вложения, подсчитала прибыль, которую она должна получить, потому что она брала деньги из собственного кармана. Харьковские работники бытовой обслуги и московские рестораторы таких расчетов, видимо, не производили. И вместо нужных людям ресторанов и мастерских соорудили самые поучительные для приезжих памятники вопиющей бесхозяйственности.

Харьков — Москва.

Со всеми удобствами... Рисунок Б. САВКОВА

В ВЫТРЕЗВИТЕЛЕ

— Не замочить бы... Рисунок Г. ВАЛЬКА

Удар!.. Рисунок И. СЫЧЕВА

С. ШАТРОВ

БАХ-БАБАХ
ИЗ ГАРПУННОЙ ПУШЕЧКИ

В тот день вместе с дядей Гошей в наш дом ворвался упругий ветер океана. Дядя был рыбаком. И не из тех затрушенных, как он говорил, рыбаков, что тартают сельдь рыбонасосом, будто это нефть, и не из тех, кто ловчит с рыбой, подманивает косяк на электрический свет. Нет, он не таков! Ему подавай китобойца да гладкоствольную гарпунную пушечку 90 мм, и чтобы на фокмачте матросик—снайперский глаз: внимание, гарпунер, фонтан на горизонте! И тогда ты вскидываешься. Эй, механик, наддай ходу! Машина — тик-так, тик-так — семнадцать с половиной узлов в час, ни копейкой меньше! И вот уж кит совсем близко. Шалишь, не уйдешь! Бах-бабах! Все! Синий — на лине!

С дядей Гошей приехала его жена Лизонька, тощая, смугло-серая, как индуска на морозе. Она куталась в шерстяной шарф, выбирала уголок потемнее, сидела тихо, как мышь, и только спицы ходуном ходили в ее костлявых руках. Она больше молчала, а дядя говорил:

— Ну что вы за люди-человеки? Сидите в наглухо задраенных квартирах, на работу едете под землей и не знаете, какой он есть, жестокий шторм, когда море покрыто вытянутыми по ветру бинтами пены и сквозь водяную пыль не видно ни зги!

Действительно, что мы за люди? Я презирал себя в эти минуты, себя и всю нашу родню и одного боялся, как бы мы не опозорились в глазах китобоя. Мне хотелось, чтобы и отец говорил о тайфунах, борьбе с огнем или об охоте на снежных барсов. Он же в первый вечер пожаловался:

— Что за сервис у нас? Давеча стоял в очереди за кефиром, касса выбила чек не в тот отдел, и, пока я перебивал его, кефир кончился. Придется пить ряженку...

— Да, с сервисом у нас еще не все в порядке,— подхватила мать.— Моя сослуживица Ниночка Криворучко на первом месяце беременности заказала пальто из французского букле. Несколько месяцев ждала второй примерки: то мастер болел, то ателье закрывалось на ремонт. Словом, когда ее вызвали, у нее был такой живот, что о примерке не могло быть и речи!

Мне стало нестерпимо стыдно за отца и мать. Они хотели заинтересовать отважного гарпунера рассказами о кефире, ряженке и пальто из букле. Дядя, как и следовало ожидать, ухмыльнулся и пробасил:

— Хо! Мне бы ваши заботы!

Он выпил две большие рюмки водки, кинул в рот маленькую маслинку и сказал:

— Смешные вы люди. Вот у нас был случай. Проходили мы на «Астрахани» распроклятущий мыс Горн. Штормовой ветер сорвал с камбуза дверь аккурат в тот момент, когда из него на бровях выползала с подносом Катюша Чепчуренко. И прежде чем она успела крикнуть «мама», ее смыло за борт, потому как ветер дул со скоростью 49 морских миль в час!

— Сорок девять миль — это много? — спросила мама.

— Хо! По шкале Бофорта, такой ветер на земле вырывает с корнем деревья! Ладно, что мне, моряку, делать? Бросаюсь в круговерть, хватаю Катю, а она, дура, в руках еще поднос держит. «Брось поднос!» — кричу. Как нас вытащили — не помню!

Я смотрел на дядю и не понимал, как среди нашей родни, поставлявшей миру врачей-педиатров, музыкантов средней руки, секретарей-машинисток и бухгалтеров, мог появиться такой богатырь, пахарь моря.

Дядя опрокинул еще рюмку водки, пожевал маслинку и повторил:

— Хо! Мне бы ваши заботы!

Его жена шумно вздохнула в углу.

— У вашего мужа опасная профессия,— посочувствовала ей мать.

— Еще бы! Опасней быть не может! — едва слышно отозвалась жена.

Дядя гостил у нас неделю и, казалось, не думал уезжать. Утром, когда все уходили на работу, мы оставались одни, и я мог насладиться близостью к бесстрашному гарпунеру. Мы окончательно подружились после того, как он открыл гранитолевый чемодан, оклеенный изнутри журнальными вырезками с фотографиями китобойной матки «Алеут», и извлек оттуда кусочек неизвестного мне вещества.

— Понюхай,— предложил он.— Чем пахнет?

Я понюхал.

— Не знаешь? Канарами! Это «драконова кровь». Смола драконова дерева. Растет на Канарских островах. Бери!

Я взял. То был поистине шахский подарок.

— Да-а, было дело на Канарах,— бросил он вскользь.

Я затаил дыхание, предвкушая путешествие на далекие острова.

— Пришли мы, понимаешь, в Тенериф,— начал дядя.— Гуляем по берегу, солнышко припекает, слабый ветер с океана, миль на десять в час, канарская сосна качается. Гуляй, дыши свежим воздухом, так надо же было мне ввязаться в драку. Заступился за одну туземку-канарочку, пристал к ней нахальный испанец с тунцелова «Санта-Крус».

Я увидел бешеного испанца с ножом за широким поясом и в тореадорских туфлях. Он наносил удары и прятался за канарскую сосну.

— Чем же все это кончилось? — Меня распирали страх и гордость за дядю.

— Испанца, думаю, через месяц-другой в больнице все же подправили,— задумчиво произнес он.— А с меня капитан за драку на чужом берегу вычел деньжат. Так что теперь мигаю белым огнем, как тот остовый буй...

Несмотря на замысловатость фразы, до меня дошел ее сокровенный смысл. Я был сообразительным мальчиком.

— Денег у жены просить неохота. У твоего отца тоже неудобно, все же я гость. А с аккредитива снять не могу: сберкасса закрыта. Не найдется ли у тебя парочки монет?

Меня необычайно вдохновило оказанное доверие, и я, ликуя, отдал восемь рублей — все мои сбережения.

— Спасибо! — сказал дядя.— Пришлю тебе с рейса мангусту. Будет вам змей ловить!

В нашем девятиэтажном доме, к сожалению, змеи не водились. Все же я считал, что мне дьявольски повезло. Я мог ручаться, что ни у одного мальчика в городе не было живой мангусты.

Дядя ушел с моими деньгами. Явился он только вечером. От него сильно попахивало. Вообще с прибытием дяди в нашей квартире пахло, как в павильоне «СОКИ — ВОДЫ!» в дни получки. Дядя говорил, что он без этого не может. Такая уж у него адова работенка. Попробуй постой на гарпунерской площадке, когда вокруг торосы и айсберги, и ветер, какого не найдешь в шкале Бофорта, и ледяные иглы бьют по глазам, и все тепло твоего тела отнимает океан!

Прошла неделя. Как-то дядя явился поздно. Он поставил на стол картонную коробку и извлек из нее транзисторный приемник.

— Принимай подарочек, жена! — сказал он слишком уж весело.

Лизонька почему-то испуганно посмотрела на приемник.

— Японский! Любую волну запросто берет! Красавец!

Все начали восхищаться транзистором, только тетя сидела в своем углу, не шелохнувшись.

— Вот так всегда. Хоть бы спасибо сказала! — усмехнулся дядя.

— Спасибо,— едва пошевелила губами Лизонька.

Весь вечер дядя ловил станции, и разные голоса сообщали наперебой: «Иси Кэнада», «Сэлептарган Алма-Ата», «Зэ программ из фолыз вил би ин рашэн». Пела зурна, били тамтамы, навзрыд рыдала виолончель, и где-то далеко хором молились: «Авэ Мария...».

Легли мы поздно, сон ушел от меня, топоча сапожищами. Тревожно звучали тамтамы, и гибкая мангуста металась по этажам в поисках змей. В доме было тихо, как в испорченном приемнике. Вдруг из соседней комнаты до меня отчетливо донеслись голоса Лизоньки и дяди.

— Зачем ты это сделал? Мы же договорились...

— Не нуди,— сказал дядя.— Не скреби мне душу, не тяни жилы!

— Я думала, бросишь ты, как обещал, свою пивную палатку и уедем мы в другой город...

— Дай поспать человеку, не выедай ему внутренности,— сказал дядя.

— Я думала,— все тем же монотонным, безысходным голосом тянула тетя,— поедем мы в другой город, к теплу, к солнышку, не могу я без тепла...

— Тепла, теплу... Что толку тебе от тепла? Дохлятина ты! Где бы ни жила, дохлятиной и останешься!

— Очерствел ты, Гоша. Каменный стал. Палатка тебя сгубила. Просила я тогда, Гошенька, не ходи в палатку работать. Ты моряк, твое место в море-океане... Нет же, пиво надо на пристани продавать! Гарпунер! Пивные бочки гарпунишь!

— У-уу, дохлятина! — Послышался удар, Лизонька всхлипнула и замолкла.

Утром дядя как ни в чем не бывало вышел с женой к завтраку. На столе, нестерпимо сверкая никелированными деталями, стоял красавец транзистор. Чей-то пронзительный тенор читал стихи: «Кто услышал раковины пенье, бросит берег — и уйдет в туман...».

— Уезжаем,— сказал дядя.— Погостили — и хватит! Пора мне на гарпунерскую площадку.— Он обернулся ко мне: — Так что тебе прислать с рейса, капитан?

Я ничего не ответил. Я соскользнул со стула, зашел в уборную и бросил в унитаз кусочек смолы. Я нажал спуск и проследил, как вода с каннибальским урчанием унесла с собой «драконову кровь».

Николай РЫНДИЧ, специальный корреспондент Крокодила

Дело-то ведь какое...

Начнем со случайного и нелепого. Пожилая колхозница Екатерина Назаровна Полетаева, развешивая на чердаке белье, наступила на подгнившую жердь. Очнулась на полу. Подняться самостоятельно не смогла. На дворе морозный январский вечер. До ближайшей больницы в Щучьем — десять километров.

В дальних селах в снежную зиму главное в таких случаях — лошадь. Накинув платок, поспешила за помощью в правление колхоза мать пострадавшей, Матрена Романовна Полетаева.

Дали Буланого с санями. Сказали: «Человека ищи сама». Человека, в смысле мужчину, умеющего держать вожжи. На селе такие не редкость, потому не без надежды пошла Полетаева-старшая по домам. Постучалась в одну дверь. Впустили быстро, но долго всплескивали руками.

— Как же это так, Романовна? А? Да-а... Вот она, жизнь человеческая... Лошадь-то хоть дали? А чего к нам пришла? Ах, везти некому?! Ну, уж извиняй! Дело не шутейное — не свеклу перевозить! Тут опытный человек нужен!

У другой двери сказали примерно то же самое, только еще дали советы:

— Надо было поосторожней! Нельзя в такие годы по чердакам лазать...

В третьем доме, выслушав рассказ Полетаевой, скорбно потерли поясницу:

— Помилосердствуй, Романовна! Дома-то ходить невмоготу! Радикулит треклятый поедом ест...

Чуткость — чувство деликатное. Глубоко в сердце хранят его иногда. Как порой хранят на дне сундука брачное свидетельство дедушки.

Ну, а человек все-таки обнаружился: в лице школьника Вити Белоусова. Только отобрал у него вожжи отец («А ну марш домой, паршивец!»). Сам взялся отвезти.

...Увязая по грудь в снегу, Буланый дотащил сани до больницы. Врач Шамшева определила ушиб. Но через месяц выяснилось: не ушиб — компрессионный перелом позвонка у больной. Получила она направление в эртильскую райбольницу. Только сказали ей: «Машину ищи сама».

Пришла тогда Матрена Романовна к председателю колхоза «Искра» Ф. П. Винникову. Попросила машину. Просто попросила. Хотя и могла намекнуть на перекличку поколений (38 лет без малого Полетаевы в колхозе).

Председатель выслушал, не отрываясь от бумаг.

— Все понимаю, Романовна, все! — вздохнул он, озабоченно роясь в накладных.— Но хочешь верь, хочешь нет — машину дать не могу... Попробуйте на попутных!

Здесь сталкиваемся с фактическим, но непостижимым. Человек, возглавляющий передовой в районе колхоз-миллионер, ежедневно решающий десятки хозяйственных вопросов, не смог обеспечить транспортом тяжелобольную женщину. Ему не стоило особого труда на крайний случай попросить машину в соседнем селе или просветить по телефону заблудших медиков, вынуждающих своего тяжелобольного пациента добираться до райцентра туристическим методом.

Три дня «голосовала» Матрена Романовна у обочины. Шоферы грузовиков останавливались, слушали, сдвигали на глаза промасленные ушанки.

— Дело-то ведь какое, мамаша,— скребли они свои водительские затылки.— До райцентра полста километров... Знаешь. Дорога какая, тоже знаешь... Вдруг станет плохо больной в пути... Что тогда? Ведь затаскают потом!

Ушанки сдвигались на затылок, с треском захлопывались дверцы. Матрена Романовна оставалась на дороге одна. Крепко не везло ей. Пришлось снова идти к председателю. Федор Петрович, уронив на стол локти, встретил вошедшую страдальческими глазами:

— Грустно, Романовна, очень грустно быть свидетелем твоего ко мне недоверия! Я ведь тебе уже объяснил: нет машины...

Через полтора месяца, когда пошел первый автобус, добралась Екатерина Назаровна до больницы в городе Эртиль.

Сразу поднялось настроение: крепко взялись за нее врачи. Да и ждала, что из колхоза наведаются. Матери, конечно, не добраться, а уж из сельчан того гляди подъедет кто с лукошком яблок...

Возможно, что такие мысли в головах отдельных сельчан действительно возникали. Только недосуг им все было. Днем работа, а ввечеру каждый поспешал в свое подворье задать корм скоту, картошку перелопатить в погребе (да мало ли их, неизбывных хозяйских дел!). А коли и выпадал свободный час-другой, так и не грех посидеть в кругу семьи у телевизора. А что до проявления теплых чувств к колхозным ветеранам, так на то есть вечера-встречи...

В общем, не дождалась Екатерина Назаровна колхозных посланцев.

А вскоре состоялась выписка. Прописали корсет. Потребовалось тридцать рублей. Грешным делом подумала: «Может, колхоз выручит?» Не сбылось. Корсет купила, но полкоровы Зорьки стало собственностью соседки...

Теперь каждый раз, когда Екатерина Назаровна встречает Буланого, она ласково треплет его за холку. В тот памятный вечер он сделал для нее все, что мог.

с. Боршево-Пески,
Воронежской области.

— Ну, как новые ботинки?
— Все еще ношу...

Рисунок А. ЕЛИСЕЕВА и М. СКОБЕЛЕВА

Гора родила мышь.

Рисунок Ю. УЗБЯКОВА

Игорь МАРТЬЯНОВ

К ВОПРОСУ О ДОЛГЕ

Он похваляться любит долго,
Что обладает чувством долга.
Но долг он этот —
Вот беда! —
Не возвращает никогда!

ВЕРЕН СЕБЕ

Раз видел камень
на могиле я —
На нем ни даты, ни фамилии.
Как оказалось, спит под ним
Неисправимый аноним.

ДОБИЛСЯ!

Осуществил свой замысел:
Ловчил, хитрил —
И в замы сел!

НЕУДАЧНАЯ ПОКУПКА

Купив пальто, доставил Кате
горе я:
Пальто с изъяном —
Третья категория.

г. Иваново.

Александр САЛЕНКО

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ПОДХОД

Профессор Голявкин, привычно расхаживая по аудитории, обратился к студенту Усокину, прилагавшему колоссальные усилия к получению заветной тройки.

— Ваши знания,— сказал профессор,— приближаются к абсолютному нулю. Как это ни печально для вас, но нам придется встретиться для выяснения отношений несколько позднее. Впереди лето, три месяца. За это время можно сдвинуть горы и на их месте создать моря. Вам же надо всего-навсего овладеть законами теоретической механики.

— Как же так, профессор? — спросил Усокин.— Ведь я учил, учил, а выходит, я вообще ничего не знаю?

— Нет, почему же так категорически? Что-то вы, разумеется, знаете, но положительную оценку я вам поставить не могу.

— А все-таки я хоть что-то знаю?

— Конечно.

— Вот и прекрасно.— Усокин облегченно вздохнул и бодро воскликнул:— До скорого свидания, профессор!

— До осени,— уточнил профессор.

Через двадцать минут профессора Голявкина вызвали в деканат. Декан встретил его укоризненным покачиванием головы.

— Нехорошо, профессор, ай как нехорошо! Вот вы поставили Усокину двойку и совсем забыли, что вышестоящие организации учат нас применять к каждому студенту индивидуальный подход: искать, так сказать, заветный ключик к любой душе, к любому сердцу.

— Усокин к экзамену не был подготовлен и поэтому не выдержал его,— возразил Голявкин.

— Ах, профессор, вы совсем не хотите меня понять! В мире все имеет свою причинную связь. Помните пословицу: как аукнется, так и откликнется? Усокин ведь профсоюзный активист на фабрике «Прогресс», учится без отрыва от общественных дел, своим личным примером заражает тягой к знаниям широкие слои членов профсоюза. Вы подумали, какой общественный резонанс получит так легко поставленная вами двойка?

Профессор Голявкин круто повернулся и хлопнул дверью.

На трамвайной остановке к нему подошел спортивного вида юноша. Лицо его отражало ту гамму эмоций, которые обычно бывают у носорога при встрече с трамваем.

— Ты, того...— развязно сказал он, не вынимая рук из карманов,— зря обидел этого... Усокина. Я, может, благодаря ему боксером-второразрядником стал. Ты... это... того... уважать человека обязан.

Профессор Голявкин рысью припустился к дому, обгоняя по пути автобусы, такси, а также личные автомашины граждан. Жена встретила его приветливой улыбкой:

— Как же, слышала уже, что ты сегодня не в духе. Звонила мне Ольга Ильинична. Усокин, активист на фабрике «Прогресс», где она работает...

Профессор с грохотом закрылся в кабинете.

В последующие три часа события развивались следующим образом. По телефону звонили: врач фабричной поликлиники, заведующая детским садом № 17, внештатный корреспондент газеты «Пламя молодости», сантехник жилуправления, личный водитель товарища Заморышева, а также множество неустановленных лиц.

Приходили делегации: от домового комитета, районного женсовета, пионеры из подшефной школы, трамвайные работники и отдельные граждане, в их числе дворник и соседская девочка. Некто Замыкаев прислал телеграмму из Сочи: «Вылетаю немедленно тчк Весьма огорчен случившимся тчк Верю Вас тчк Целую тчк».

К десяти вечера под балконом квартиры профессора состоялся митинг на общественных началах. Отдельные лица хорошо поставленными голосами требовали принять экстренные меры к некоторым зарвавшимся деятелям науки.

И профессор Голявкин не выдержал, сдался на милость победителей. В одной пижаме он вышел на балкон и прыгнул со второго этажа на руки очередного оратора.

— Везите,— устало сказал он.— Где он, ваш незаменимый, деятельный, без отрыва, с огоньком, умело сочетающий, проявивший, хорошо зарекомендовавший, повышающий уровень, знающий, воспитавший плеяду разрядников, чуткий, отзывчивый, пользующийся заслуженным авторитетом Усокин?

Возвращался профессор самыми темными улицами, стараясь не встречаться с прохожими. Внезапно из-за угла выскочила группа людей и с криком: «Мы не можем позволить, чтобы лучший дружинник района товарищ Гуськин был отстающим в учебе!» — пронеслась мимо.

«Слава богу,— подумал профессор, вытирая со лба холодный пот.— На нашем факультете, помоему, нет студента Гуськина».

г. Херсон.

Владимир МИТИН, специальный корреспондент Крокодила

ПУТЕШЕСТВИЕ К ЦЕНТРУ ЕВРОПЫ

«Туристы выезжают в Карпаты для активного отдыха. Под наблюдением опытных инструкторов они организованно идут в походы согласно разработанных маршрутов...»

(Из путевки).

Еще ниже в путевке указывалось, что турист имярек «обеспечивается проездом по маршруту Львов — Рахов — Яремче — Львов».

Поскольку графой ниже более деловым тоном сообщалось, что туристам, опоздавшим к поезду, стоимость путевки (тринадцать рублей) не возвращается, я ускорил шаг и вместе с ратью лыжников вступил под решетчатые своды вокзала Львов-Главный. Через восемь минут наш «Снежный поезд» отправлялся в Карпаты. Ему предстояло вторгнуться в дружественную Ивано-Франковскую область, пересечь ее и прибыть утром к центру Европы. Наша дальнейшая судьба была покрыта неизвестностью, хотя в путевке и говорилось, что «более полная информация будет проведена в вагонах, во время движения поезда».

— Вы без лыж? — пригорюнилась проводница, освещая фонариком мою путевку.— От неразумный!..

Бормоча что-то насчет своей чистой любознательности, я, как мешочник, полез напролом в неосвещенный вагон. Вытянув руки, будто отталкивая падающий платяной шкаф, я шел по проходу. Примерно на середине мои ладони столкнулись с чьей-то поролоновой курткой.

— Вы из фирмы «Луч»? — строго спросила куртка.— Откуда вы?

— Из Москвы! — выпалил я.— Интересуюсь центром Европы...

— А-а, сбродик,— смягчился носитель куртки.— Ну-ну. Почему без лыж?

— Там достану,— ответил я, краснея так, что в вагоне даже стало светлей. На куртке завиднелась официальная повязка. Очевидно, это и был сам «опытный инструктор».

— Сильно сомневаюсь,— предрек человек с повязкой,— чтобы вы их там достали. Однако посмотрим. Более полная информация будет дана утром.

Как застарелый ревматик, наш поезд хрустел суставами, огибая голубой заснеженный Львов. Мой вагон был к тому же еще и слеп. Света не было, как говорится, всю дорогу.

Но если Яблочков с Эдисоном в данном случае подкачали, то Попов и Маркони оказались на высоте. Ровно в семь утра включили иерихонскую трубу. Она кашлянула, и голос известной певицы, слегка деформированный древним динамиком, донес следующую новость:

Как типерь ни висилицца,
ни гарустить ата разных бед,
Ва нашим доми пасилилися
замичательны сасед...

«Па-ппа!» — грянуло на весь мир, но дальнейшего взрыва информации не произошло. Пассажиры вытряхнулись из вагонов и, утеревшись фиолетовым привокзальным снегом, забегали по путям, отыскивая автобус до центра Европы. Никто не знал, где автобус и будет ли он вообще. Также не наблюдалось поблизости ни одного из пятнадцати опытных инструкторов, у которых я, как всякий дисциплинированный турист, должен был спросить разрешение на отрыв от группы. Впрочем, групп тоже не было. Лишь наиболее сознательные представители швейной фирмы «Луч» организованно устремлялись для активного отдыха, согласно каких-то непроторенных маршрутов.

Потом все с ужасом узнали, что автобус до центра Европы был, но уже ушел, и то ли опять будет, то ли нет, неизвестно. Я побрел осматривать Рахов, испрашивая информацию, как подаяние, у встречных граждан.

Рахов — это курортный город с игрушечными домиками, шпилями и церквами. Вероятно, по количеству гор на душу населения он занимает одно из первых мест в мире. Но если есть горы, то хорошо бы покататься, а если нет лыж, то остается встать над Тиссой и поразмыслить.

В самом деле, зачем сюда в каждом вагоне приехало по инструктору совместно с начпоезда и массовиком? Если работать, то почему они так поспешно исчезли, бросив судьбы своих подопечных на произвол судьбы, а если активно отдыхать, то почему они за это получают деньги, а не платят их?

Очевидно, Львовскому бюро путешествий эти карбованцы просто не нужны. Оно и так является самым прибыльным учреждением страны, выполняя план по доходам чуть ли не на 300 процентов! Согласно каких же скрытых резервов происходит это феноменальное перевыполнение?

— Подумаешь, загадка, тайна Тунгусского метеорита! — раздался сзади чей-то голос. Я обернулся и увидел среднестатистического туриста.— Бюро само составляет планы, само перевыполняет их и само же получает и выдает премиальные в виде, так сказать, дивидендов.

— Не совсем понимаю,— опешил я, чуть не уронив шапку в бурную Тиссу.— Как это у них получается?

— Как дважды два — пять,— пояснил средний.— Или, если хотите,— шесть, восемь, тысяча, как угодно. Прикиньте сами: сколько честных граждан желают отдохнуть телом и душой в Карпатах каждое воскресенье? Минимум тысяч пять. А бюро планирует обслужить четыреста — пятьсот. Тут, как ни планируй, все равно от туриста отбою не будет. Вы сами-то путевочку с трудом достали? С трудом. Поди, знакомых просили, интриговали?.. Однако нам пора. Вдруг к центру Европы попадем.

Мы ринулись к вокзалу.

Через два часа подали автобус, такой дряхлый, что в нем наверняка еще сам основатель Львова Даниил Галицкий возил камни для своего дворца. Вслед за нами в автобус быстро влезли шофер, гид и еще один человек. «Шеф» сел за руль, человек опытно содрал с нас по рублю, не выдав никаких оправдательных документов, а гид был так красив, что туристки тотчас уткнулись в сумочки с зеркалами.

— Здоровеньки булы,— пошутил гид в подобие микрофона.— Зараз мы будем ехать вблиз скалы Мужества и Любви. Е такая легенда, когда молодой князь и простая гуцулка они хотели расписаться, а князь-отец он был болен на желудок, и им не давал...

Мы посмотрели на скалу, откуда в свое время бросились вниз безответственный феодал и бедная, но честная пейзанка. Затем нависла скала, с которой сбросился еще кто-то, но гид сказал, что, мабуть, именно то и была скала Любви и Мужества... Так мы добрались до европейского средостения.

Центр Европы отмечен грязноватой пирамидой Хеопса, уменьшенной в миллион раз. Из латинской надписи на пирамидке отчетливо разбиралось лишь одно слово: «лёкус» — место. Гид простосердечно сказал, что относительно «лёкуса» он не в курсе, и мы тронулись в обратный путь. Красота резала глаз.

Наступал пронзительный вечер. Он кипел над крышами лиловым ледяным кипятком и трещал ветвями, шагами, сосульками. На этот раз все 15 инструкторов и поездной врач с очень повышенной активностью собрались в высокогорной шашлычной «Колыба». Она имеет то преимущество, что, став на карачки, пьяный путешественник может непосредственно съехать с горы прямо к поезду.

Когда по радио наконец дали информацию о танцах, имеющих быть в купе седьмого вагона, я окончательно понял, что меня бессовестно обманули. Мне посулили элегантный сервис, романтику, походы, маршруты, толковых инструкторов, экскурсии и бог знает что еще. Получил я из этого воздух, воздух и воздух. Я им надышался вдоволь и в итоге не прошу выдать мне квитанцию на «рупь», содранный с меня за поездку к «лёкусу». Аллах с ним! Все равно бухгалтерия не зачла бы мне его при проверке авансового отчета.

«Воздух так воздух,— думал я, стоя в темном вагонном проходе,— но за что все-таки я заплатил тринадцать рубликов? За проезд до Рахова и обратно? Но ведь с таким же успехом я мог съездить туда, не прибегая к изящным услугам Львовского бюро путешествий. Нет. Я платил свои карбованцы за то, чтобы поезд был чистый и светлый. За то, чтобы гид с точностью знал, что означает слово «лёкус». За то, чтобы динамики не допускали искажения информации...»

Тут бессмертное творение Попова снова каркнуло, и некто, выступивший по радио, выразил надежду, что «туристы получили зарядку бодрости». В вагоне невыносимо запахло липой, но за немытыми окнами уже намечался островерхий красавец Львов. Путешествие к центру Европы было закончено.

Львов — Рахов — Яремче — Львов.

нарочно НЕ придумаешь

«Я говорю: товарищ продавец, почему вы хорошее мясо уносите себе, а кости продаете по 2 рубля! Он мне отвечает: знаешь что, уйди, а то я сейчас тебе набью морду... Я обратился к заведующей магазином — ей объяснил, а она мне отвечает: продавец правильно сказал».

(Из жалобы покупателя.)

Копию снял Н. Кузьменков.

г. Дедовск.

«От каждых 100 коров за минувший год в районе получено по 82 теленка и 73 ягненка».

Газета «Ленинский путь».

Ясногорский район, Тульской области.

«Широкоформатный фильм «Братья Карамазовы», выпущенный киностудией «Мосфильм», вышел на экраны нашей области. Только совершенно лишенный интеллекта человек сможет пропустить этот шедевр. В особенности дело касается подростков».

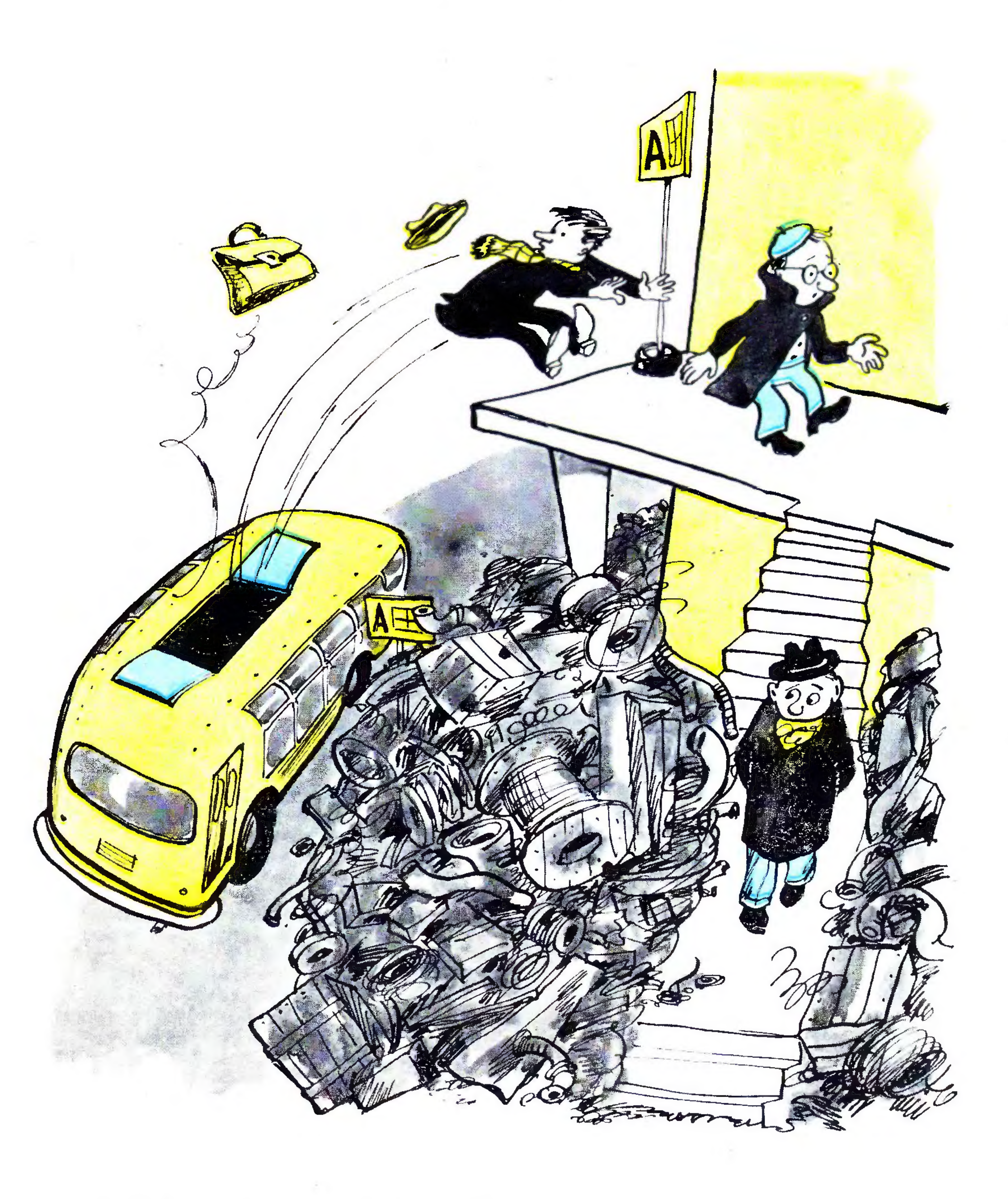
«Ферганская правда».

«Мы видим, как, будто обветшалая одежда, спадает с Алексея хамовитость, небрежное отношение к девушке, как «входит в меридиан» его порою грубое мужское естество».

(Из рецензии.)

Многотиражная газета «Заря».

Пензенский часовой завод.

Новый вид транспорта с катапультирующим устройством для района новостроек.

Рисунок В. СОЛОВЬЕВА

Игорь ЧЕРВЯКОВ

ЧЕЛОВЕК и МАШИНА

В целях дальнейшего улучшения, повышения и т. д. наша научная лаборатория получила БЭВМ — быстродействующую электронно-вычислительную машину с дефицитнейшей должностью программиста в придачу.

Рюмин, так звали новую штатную единицу, осмотрел подчиненный ему объект, энергично сдул пыль с клавиш ввода информации и признался, что наша машина слишком новая (в вузах такие еще не проходят), и потому ему необходимо полгода для освоения новой техники.

Заведующий лабораторией профессор Устрицын поморщился и дал квартал.

Через месяц профессор заглянул к Рюмину. Программист сидел за столом и, крепко сжав виски кулаками, ожесточенно думал сразу двумя полушариями. Приблизившись, Устрицын обмер: перед молодым специалистом лежал рукописный учебник по игре в преферанс и несколько колод игральных карт.

На язвительно-учтивую просьбу продемонстрировать успехи Рюмин ответил отказом, ссылаясь на временное умопомрачение от переутомления. Однако Устрицын настаивал, и программист, махнув рукой, сдал карты.

— Игра ведется между двумя партнерами. Так называемый «гусарский» преферанс. Человек против машины,— бодрым голосом пояснил инженер.

Профессор надел очки и яростно защипал свою академическую бородку.

В скорости ходов Рюмин не уступал машине. Игра длилась не более минуты, когда человек радостно воскликнул:

— Без трех!

— Кто? — не понял Устрицын.

— Машина... Средоточие, так сказать, новейших достижений электроники и кибернетики! — не скрывая ехидства, констатировал Рюмин.

Разразился скандал. Элла Суглинкина, руководитель расчетной группы, для нужд которой, собственно, и «выбили» БЭВМ, требовала для несостоявшегося программиста смертной казни, но ограничились окарикатуриванием в стенгазете.

К машине приставили активную Суглинкину.

— Лаборатория может с уверенностью смотреть в завтра! — патетически заверила сотрудников новая программистка и скрылась за дверью со строгой табличкой «Вычислительный центр».

Спустя некоторое время на расчетную группу обрушилась эпидемия свадебных торжеств.

Последней сдалась Элла. Однажды вечером она посетила мое холостяцкое жилище и, чуть-чуть волнуясь, сообщила, что мы, то есть она и я, обязаны вступить в брак. Так ей «посоветовала» машина.

— Газеты читать надо! Ведь уже и у нас признано целесообразным использование электронно-вычислительной техники для подыскания супружеских пар! — пичкала меня сведениями с переднего края науки незваная невеста.

— Ну, а как это... практически?

— Вначале мы с девочками из чистого любопытства вводили в БЭВМ свои требования к мужьям и всю подноготную разных там Македонских, Грозных, Смоктуновских... Между прочим, с Иваном Грозным из всех расчетчиц только я одна смогла бы ужиться!

— А потом что? — невольно вздрогнув, спросил я.

— А потом Люська Змеевикова поступила по-свински: под видом Стеньки Разина она протащила антропологические данные, привычки и вкусы своего соседа. Машина дала положительный ответ. Ну, Люська и выскочила замуж. И, утверждает, счастлива. Тут и пошло!.. Решайся, старик! В данном случае, говоря на языке теории надежности, риск заказчика равен риску поставщика. Фифти-фифти! Согласен?

Слаб человек! К тому же я заядлый технократ. Машина не должна подвести! Я женился... Моя жена, выполнив груду заказов по прогнозированию семейной жизни всех родных и знакомых, во всем призналась Устрицыну и ушла в отпуск. Декретный.

Заняться БЭВМ предложили мне.

Я продержался только до конца шахматного турнира на первенство лаборатории. Меня подвел стремительный взлет на чемпионский пьедестал. Мои ошеломляющие победы в дни доигрывания пришлись не по вкусу завистникам, которые раскопали, что я запряг БЭВМ для анализа отложенных партий. И электронное чудо вытягивало безнадежные позиции!

Песенка моя была спета...

Теперь обязанности программиста выполняет кибернетическая установка системы самого профессора Устрицына «УКУ-1» — тупое полупроводниковое животное, без нервов и страстей.

У-у, дайте я пну его ногой!

ПРОСТО АНЕКДОТ

Когда английский ученый закончил свою лекцию о путешествии по джунглям, к нему подошел школьник и попросил десять автографов.

— Неужели столько твоих соучеников интересуется моими автографами? — удивился лектор.

— Пока еще нет, но когда вас съедят тигры...

●

В суде.

— Обвиняемый, вы утверждаете, что кидали в пострадавшего только помидоры?

— Да, господин судья!

— Так чем же объяснить эти шишки на его голове?

— Помидоры были в банке, господин судья.

●

— Человек моей профессии никогда не может быть уверен в завтрашнем дне.

— Вы сапер?

— Нет, я метеоролог.

●

Невеста спрашивает жениха — водителя автобуса:

— Думаешь ли ты обо мне хоть немного во время своих рейсов?

— Думаю ли? Да я уже разбил из-за тебя два автобуса!

●

Мистер Бэддит, сложив газету, обращается к жене:

— Знаешь, Мэри, я пришел к выводу, что половина членов нашего правительства ни к чему не способные проходимцы.

— Но есть еще вторая половина, Майкл.

— Верно! Эти на все способны!..

●

— Моя жена так следит за порядком в доме, что я больше не могу этого выдержать.

— Но послушай, это ведь превосходно!

— А ты представь себе, что встаешь ночью и идешь на кухню попить воды, а когда через две минуты возвращаешься, твоя постель уже убрана.

●

У супругов было трое детей. При разводе в суде возникла жаркая перепалка из-за того, как их делить. В конце концов жена сказала:

— Пошли домой! Вернемся через год, тогда у нас будет четверо детей.

●

На зимнем курорте француз зашел в гостиницу.

— Прошу двухместный номер.

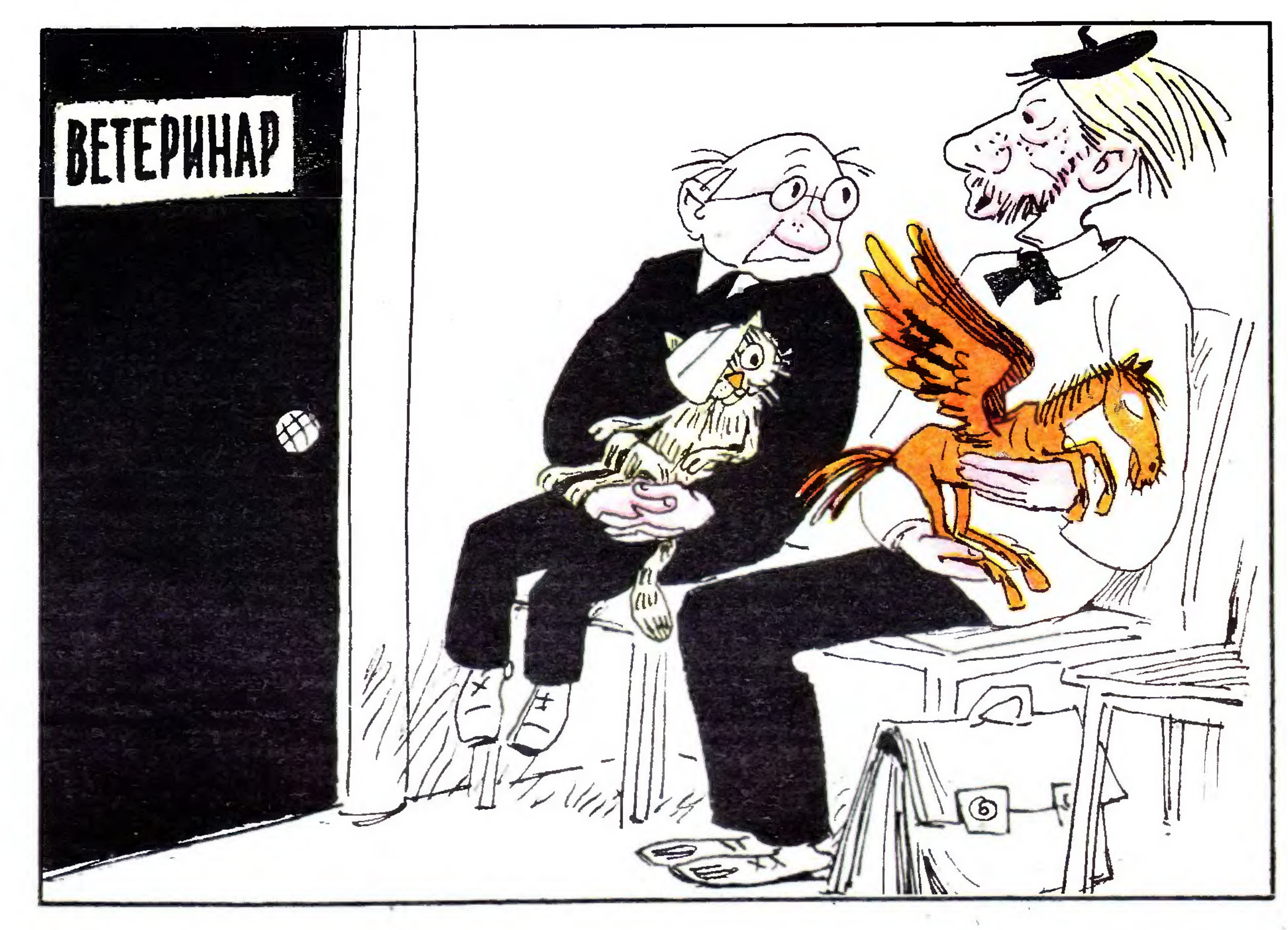
— Номеров нет.

— А если бы приехал президент де Голль, ему бы нашелся номер?

— Конечно.

— Могу вас уверить, что он не приедет и его номер вы спокойно можете отдать мне.

●

— Худенький он у меня... Говорят, расти больше не будет.

Рисунок А. ЦВЕТКОВА

ИЗ «ЛИРИЧЕСКОЙ ТЕТРАДИ» ПОЭТА А. А. КОШМАРКОВА

1 ПАМЯТЬ

Был я влюблен
    и несчастен...
Еще неизвестный поэт,
Я говорил тебе:
    «Здрасте»,—
А ты лишь кивала в ответ.
Годы с тех пор миновали,
Стал я другим.
    Но поверь:
Милые сердцу детали
Помню еще и теперь.
Помню и клипсы
    и брошки.
Помню еще, например,
Импортные босоножки
Тридцать девятый
    размер...
Помню киоск
    на Неглинной,
Где, бесконечно любя,
Букет за четыре
    с полтиной
Я чуть не купил для тебя.
Помню, как жарким
    летом
Тебя пригласил я в МХАТ.
Помню, купил два билета,
Каждый по два пятьдесят.
Помню, во время
    антракта
В зале зажегся свет
И незаметно как-то
Мы забрели в буфет.
Помню, я взял,
    увлеченный
Твоей колдовской красой,
Два бутерброда
    с копченой,
Два — с докторской
    колбасой,
Бутылку московского
    пива
И десять конфет
    «Каракум»...
Ах, как давно это было,
А в памяти все берегу!
Жаль, что остыли страсти,
Словно в стакане чай...
Ты говоришь мне:
    «Здрасте»,—
А я говорю:
    «Прощай».

2 МОИМ ЗЕМЛЯКАМ

Нет, я не стиляга кудрявый,
Я в поле родился и рос,
И мною гордится по праву
Родной укрупненный колхоз.
В село мое сердце стремится,
А в городе все не по мне.
И если живу я в столице,
То, значит, так нужно стране!
Товарищи односельчане,
О как я тоскую подчас,
О как мне не спится ночами,
Когда посевная у вас!
Я каждой весной, как умею,
Помочь, земляки, вам спешу:
То мысленно с вами я сею,
То мысленно с вами пашу.
Пусть я из поэтов серьезных,
Пусть морщу над рифмами лоб,
Как прежде, я в сердце — колхозник!
Как прежде, в душе — хлебороб!
А то, что в разлуке разлучной
Живу я в Москве, так, ей-ей,
С московской пропиской сподручней
Грустить по деревне своей.

3 КОНТАКТЫ

Культурные контакты нам важны!
И ты, моя любимая, не сетуй:
С поэтами из дальней стороны
Всю ночь я вел застольную беседу.
Я пил за их далекую страну,
За их литературу. Хоть не скрою,
Что я по-ихнему — ни тпру ни ну,
Они ж по-нашему — ни в зуб ногою.
Глаза сверкали ярко в полутьме,
Мы слушали друг друга с интересом,
Хоть я по-ихнему — ни бе ни ме,
Да и они по-русски — ни бельмеса.
И все ж нам переводчиков не нужно,
Ведь понимаем мы без лишних слов,
Что наша нежность и наша дружба
Сильнее страсти, больше, чем
    любовь!
И раздвигались стены
    с каждым тостом.
И верь мне, дорогая, не шучу:
Вдруг обнаружилось,
    что очень просто
По-ихнему уже я лопочу!
Да и они уже весьма прилично
По-русски толковали между тем...
Эх, нам еще пол-литра бы
    «Столичной»,
И мы б друг друга поняли совсем!
Но вот рассвет. Коллеги, извините!
Мы расстаемся, нежности полны.
Они идут в отель,
Я — в вытрезвитель...
Культурные контакты нам важны!

Публикацию подготовил Владлен БАХНОВ

ПРОДОЛЖАЕМ КОНКУРС «КРОКОДИЛА»

УНИВЕРСИАДА ОСТРОУМНЫХ

ДЛЯ СТУДЕНТОВ УНИВЕРСИТЕТОВ СТРАНЫ

*

Вот конкурс и начался... Каждый день почта приносит мне пухлые конверты с пометкой: «Универсиада остроумных». Жюри, засучив рукава, изучает письма, рисунки, тексты к карикатурам — словом, ответы на задания первого тура, которые мне присылают не отдельные остроумцы, а монолитные студенческие команды университетов. И есть уже кое-что интересное и смешное.

Поскольку в некоторых письмах звучала просьба несколько продлить срок представления материалов первого тура в связи с недавно закончившейся зимней экзаменационной сессией и каникулами, пришлось пойти навстречу пожеланиям студентов. Первый тур крокодильской универсиады продлен до 10 марта, о чем, разумеется, коллективы-конкурсанты извещены.

Таким образом, итоги первого тура будут опубликованы в № 9 моего журнала. Тогда мы узнаем, какой университет страны успешнее других справился со всеми тремя заданиями первого тура и заслужил специальную промежуточную премию. Станут известны, конечно, и те коллективы, которые заняли вторые, третьи и последующие места.

А пока не будем терять времени, приступим к заданиям второго тура. Тема его — спорт. Заданий снова три (напоминаю: за выполнение каждого присуждается максимум 13 очков).

1. Написать оригинальную короткую пародию на спортивный репортаж (независимо от вида спорта). Размер — не более двух страниц на машинке.

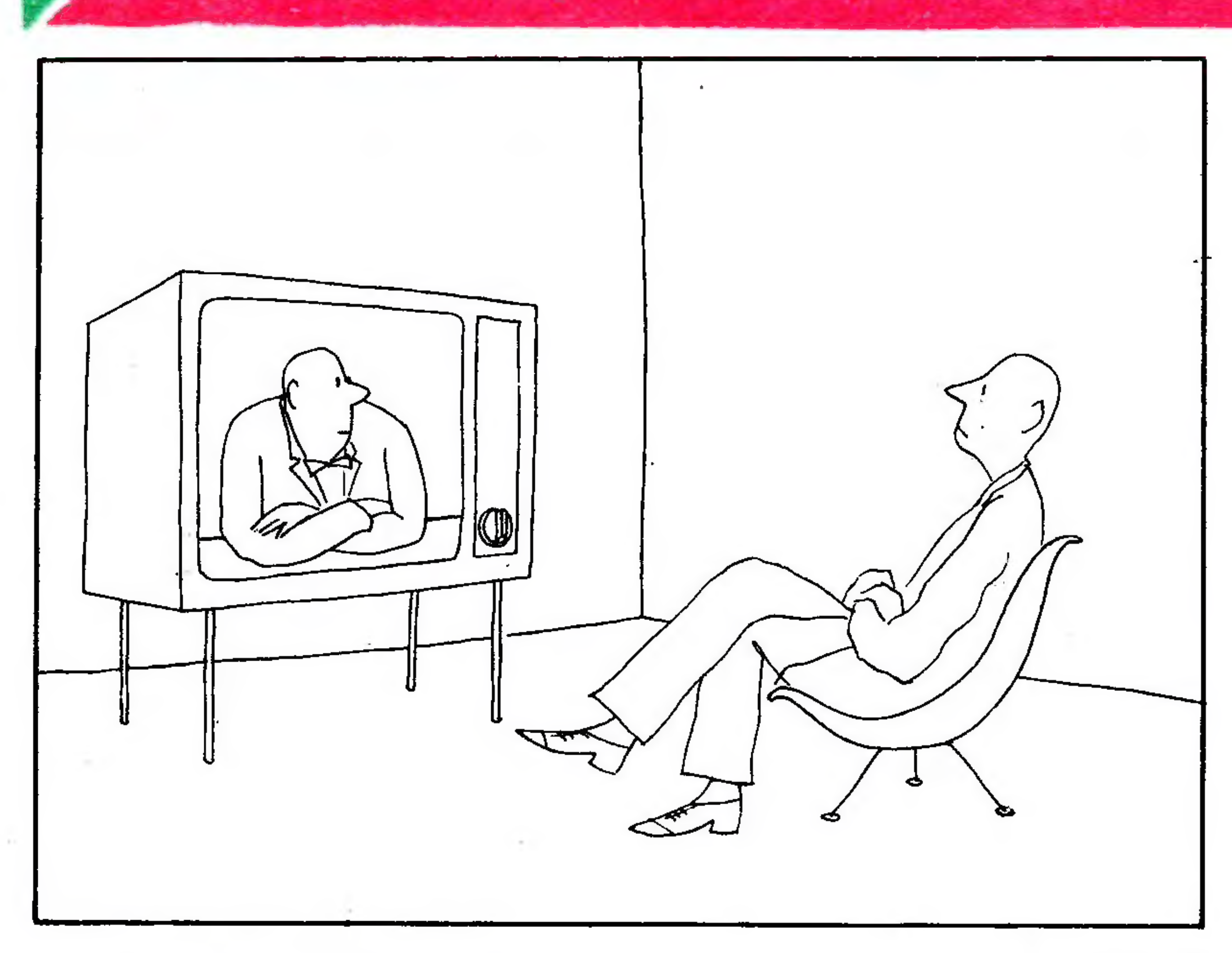
2. Составить как можно более нелепое заявление в деканат с просьбой об освобождении от занятий физкультурой.

3. Сочинить веселый короткий рассказ (до одной странички машинописного текста) на тему «Как я стал экс-чемпионом университета по плаванию».

Итак, снова на старт, дорогие друзья! Материалы с выполненными заданиями второго тура присылайте до 30 апреля.

Желаю успеха!

КРОКОДИЛ

— Начинаем передачу «Кто кого переглядит».

Рисунок Ф. КУРИЦА

КРОКОДИЛ ПОМОГ

ЛЕЧИТЕСЬ НА ЗДОРОВЬЕ!

В фельетоне «Чем вы лечитесь от простуды?» (№ 33 за 1968 год) говорилось о нехватке горчичников в аптеках. Главная причина заключалась в том, что Волгоградский завод горчичников не был обеспечен нужным сортом бумаги.

Фельетон возымел действие. Из «Союзглавбума» нас известили, что на 1969 год Волгоградский завод горчичников полностью обеспечен необходимой бумагой.

«ПРЕМИАЛЬНЫЙ ПЕТУШОК»

Под таким заголовком в «Крокодиле» (№ 34 за 1968 год) был опубликован фельетон, где критиковалась система организации труда и премирования на Ковровском экскаваторном заводе.

Руководители завода нам сообщают, что по фельетону приняты меры.

За организацию работы в выходной день заместителям начальников цехов сборочного и металлоконструкций тт. Галкину и Божевольному и бывшим председателям цехкомов тт. Таубе и Вещиковой объявлены выговоры.

Наложены административные взыскания и на руководителей цехов, допустивших нарушения.

На заводе разрабатываются мероприятия по обеспечению ритмичного выпуска продукции.

ПЛОДЫ РАЗДУМЬЯ

Иной так искусно кривит душой, что кажется, только он один и идет прямой дорогой.

Исполнившаяся мечта может принести несчастье.

Кому труднее притворяться: маленьким людям большими или большим — маленькими?

Люди — это самые интересные книги, но, чтобы читать их, мало быть просто грамотным.

Каким бы мудрым ты ни родился, жизнь не раз поставит тебя в дурацкое положение.

Лучше не доходить до крайностей, чем потом возводить между ними мосты компромиссов.

Одни часовые всю жизнь стоят на посту, другие — состоят.

Величие состоит и в том, чтобы не допускать, чтобы тебя возвеличивали.

В. ЖЕМЧУЖНИКОВ

КРОКОДИЛ

№ 7 (1909)

ГОД ИЗДАНИЯ СОРОК СЕДЬМОЙ

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

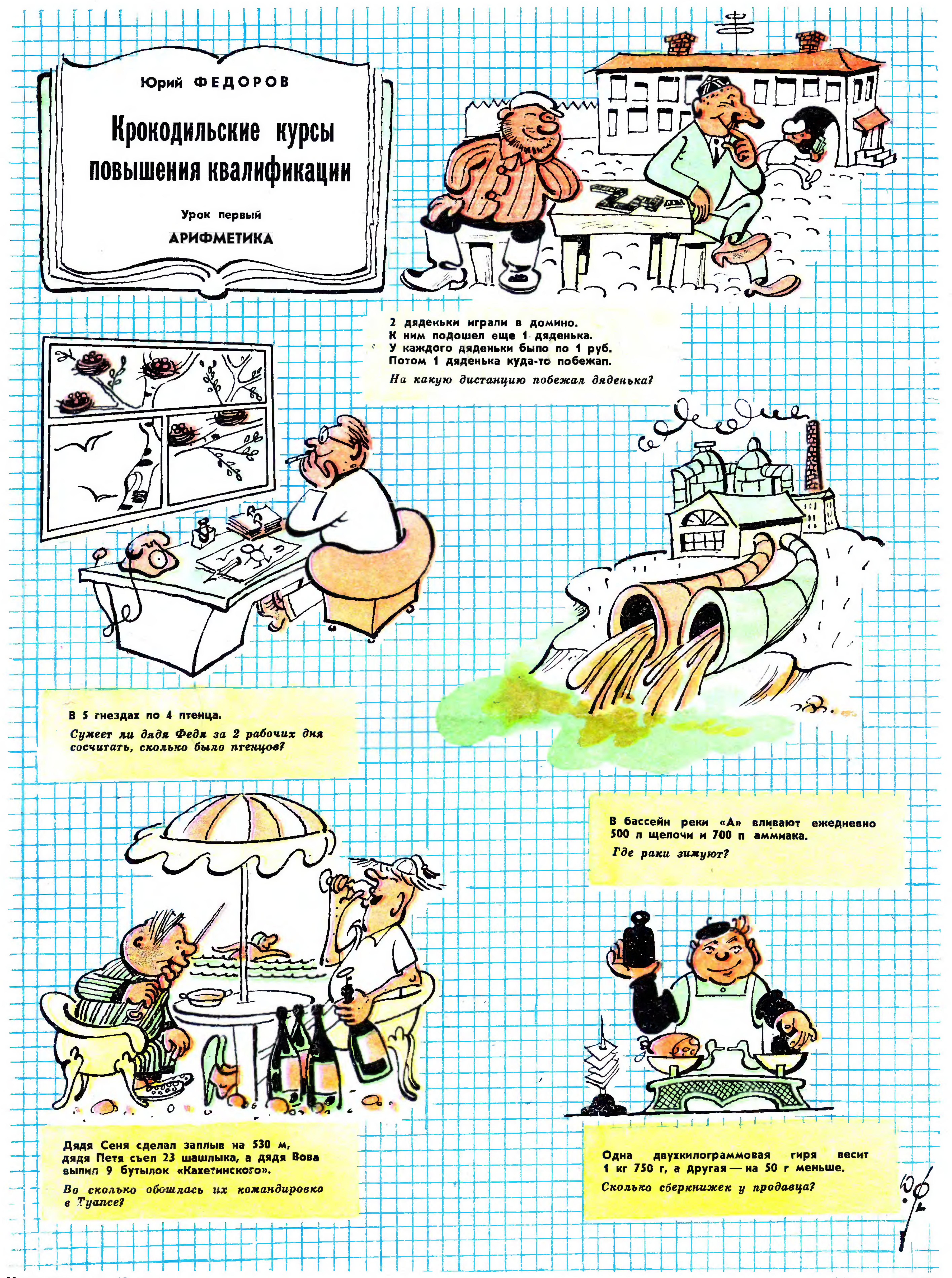
Темы рисунков этого номера придумали: М. Абрамов, Л. Бочкова (г. Казань), М. Вайсборд, А. Грунин, В. Жаринов, С. Кузьмин, Ф. Куриц, Е. Мигунов, И. Сычев, В. Тамаев, В. Тильман, Ю. Узбяков, Е. Шабельник.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

А 00042.
Подписано к печати 28/II 1969 г.
Формат бумаги 70×108 1/8.
Объем 2,80 усл. печ. л.
4,54 уч.-изд. л.
Тираж 5 100 000 экз.
(1 завод: 1—4 278 100)
Изд. № 375.
Заказ № 554.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Юрий ФЕДОРОВ

Крокодильские курсы повышения квалификации

Урок первый

АРИФМЕТИКА

2 дяденьки играли в домино.
К ним подошел еще 1 дяденька.
У каждого дяденьки быпо по 1 руб.
Потом 1 дяденька куда-то побежап.

На какую дистанцию побежал дяденька?

В 5 гнездах по 4 птенца.

Сумеет ли дядя Федя за 2 рабочих дня сосчитать, сколько было птенцов?

В бассейн реки «А» вливают ежедневно 500 л щелочи и 700 п аммиака.

Где раки зимуют?

Дядя Сеня сделал заплыв на 530 м, дядя Петя съел 23 шашлыка, а дядя Вова выпил 9 бутылок «Кахетинского».

Во сколько обошлась их командировка в Туапсе?

Одна двухкилограммовая гиря весит 1 кг 750 г, а другая — на 50 г меньше.

Сколько сберкнижек у продавца?

Цена номера 12 коп. Индекс 70448